

*Особая благодарность
Ирине Юрьевне Сладковой
за предоставленные материалы.
Описанные события базируются
на воспоминаниях участников.*

ПРОЛОГ

Хвостатая очередь змеилась вдоль тротуара, мешая прохожим, и упиралась головной частью в стеклянные двери кафе-мороженого. Стоял сырой ноябрь, и девушки в коротких юбчонках, капроновых чулочках и туфельках зябко пританцовывали, не теряя надежды попасть в желанное заведение и получить свой кусочек счастья в виде мороженого, красного сухого вина и маленького оркестрика, музыка которого вселяла надежду на яркую и беззаветную любовь. Их кавалеры стояли безмолвными статуями, лишь периодически делая пару шагов вперед, тем самым сокращая разрыв в очереди, чтобы в промежуток не вклинился какой-нибудь ловкач. Несмотря на мелкий морозящий дождь, зонтов в очереди не наблюдалось во избежание несчастных случаев.

Распихав страждущих, двое молодых людей в долгополых пальто и широкополых шляпах подошли к двери кафе. Один из них постучал по стеклу, а второй, пристроившись сзади, успокаивал возмущенную очередь, непрерывно повторяя: «У нас заказано». То же самое повторил и первый, когда швейцар приоткрыл дверь. При этом он рас-

стегнул пальто и из переднего кармана пиджака высунул уголок купюры. Швейцар на пару секунд задумался, а потом гаркнул хриловатым голосом, чтобы слышали в очереди: «У них заказано!» — и впустил парней внутрь. Они направились к гардеробу, а ранее обозначенная купюра мимоходом перекочевала в боковой карман стража дверей.

Раздевшись, парни по лестнице поднялись в ресторанный зал. Одеты они были в добротные импортные костюмы, что являлось большим дефицитом и приобреталось из-под полы или по блату. Они любили хорошо одеваться и не жалели на это денег. Но галстуков не носили, протестуя против навязанных стандартов. У одного из них на плече висела небольшая кожаная сумка с надписью на иностранном языке.

Несмотря на столпотворение на улице, зал был полупустым и мог вместить значительную часть очереди.

— Где сторожит, там и имеет, — прокомментировал один из парней со смешком, намекая на швейцара.

— Но упрощает жизнь таким, как мы. Ничего в этом мире не меняется. Советская власть крепка и несокрушима, — дополнил второй.

Они заняли столик возле стены и начали разглядывать посетителей в ожидании официантки.

«Синий, синий иней лег на провода...» — затянул оркестрик, и несколько пар отправились

танцевать на предназначенный для этого пятачок возле музыкантов.

— Они украли эту мелодию, — сказал Павел Стрельцов — так звали одного из парней — и скопился в сторону оркестра. — Я ее слышал в записи на английском, когда «Поющих гитар» и в помине не было.

— Не украли, а переложили на русский текст, — возразил сидящий рядом с ним Борис Звягинцев, коротко стриженный парень средних размеров.

— Тогда надо автора музыки указывать, а не себе присваивать. Плагииаторы хреновы. — Павел брезгливо поморщился.

Вскоре подошла официантка — дебелая девица с выщипанными бровями и сильно напояженными губами. Она с чувством брезгливого превосходства бросила на стол меню и вопросительно уставилась на посетителей. Стрельцов не менее брезгливо отодвинул от себя меню и сделал заказ небрежным тоном:

— Бутылку «Саперави», четыре эклера и по три шарика мороженого, — и добавил: — Несмотря на ноябрь, вы выглядите, как майская роза.

Ввиду скудности и незыблемости ассортимента Паша знал содержание меню наизусть. Он посмотрел на официантку призывным взглядом и загадочно улыбнулся. От неожиданного комплимента глаза у девицы потептели.

— Я быстро, мальчики, — пообещала она, изобразив приветливую улыбку, и удалилась, поигрывая широкими бедрами.

Борис Звягинцев понимающе усмехнулся — Паша был из тех роковых мужчин, которые неминуемо нравятся женщинам: статный, черноволосый, смуглолицый красавец с роскошными усами — прямо Педро Зурита из «Человека-амфибии».

«Ищу я лишь ее, мечту мою...» — продолжал старательно завывать певец, звезда заведения. Танцующие пары все теснее прижимались друг к другу, за столиками выпивали и закусывали. Кафе жило обыденной жизнью.

Вскоре на столе появились откупоренная бутылка красного вина, стеклянные бокалы, блюдечко с эклерами и две металлические вазочки с мороженым — стандартный джентльменский набор.

— Делаем подмену? — Боря вопросительно посмотрел на товарища.

— Давай, — согласился Паша, украдкой глядя по сторонам.

Выдернутая из сумки бутылка мгновенно оказалась на столе, а искомая, принесенная официанткой, заняла ее место. Они ничем не отличались, даже штамп заведения на этикетке был тот же.

— Что у нас на сей раз? — спросил Паша.

— «Столичная» под вишней. В смысле с вишневым сиропом, — пояснил Боря. — Качествен-

ное пойло, на все сорок градусов. И по цвету от «Саперави» не отличается.

— Огурчиков бы соленых сейчас, чтоб хрустели... — мечтательно проговорил Паша.

— Закусывай чем бог послал, — сказал Боря, наполнив бокалы. — Как говорила французская королева, «если им нечего жрать, то пусть жрут пирожные». Вот мы и жрем пирожные, чтобы не подохнуть от недостатка колбасы. Давай, за встречу.

Они выпили и закусили эклерами.

Все эти кунштюки с подменой алкогольного пойла друзья проделывали еще со студенческих времен, и технология обмана была отработана досконально, до мелочей.

Борис Звягинцев и Павел Стрельцов познакомились при поступлении в Физико-технический институт в городе Долгопрудном, где их поселили в одной комнате общежития. Оба не прошли по конкурсу: Стрельцов получил тройк по устной математике, а Звягинцев пролетел из-за еврейских корней — мать у него была еврейкой. Причину пролета позднее пояснил ему один из доцентов Физтеха Самуил Меерович Койфман: «Чтобы ядерные секреты в Израиль не уволокли».

После неудачи парочка подала документы в Московский энергетический институт. За время совместного проживания они подружились. «Сошлись вода и пламень» — эмоциональный роман-

тик Паша и спокойный прагматик Боря. Учились ни шатко ни валко, но до стипендии дотягивали. На жизнь и выпивку хватало, тем более что Стрельцов, когда деньги неожиданно кончались, отлучался на игру в покер и без выигрыша никогда не возвращался. «У них на лицах все написано, а лезут блефовать», — так он объяснял причину своих неизменных побед. Оба увлекались спортом: Паша весьма успешно занимался легкой атлетикой, а Боря дорос до мастера спорта по самбо.

Стрельцов имел недюжинные способности к изучению иностранных языков, занимался ими по своей воле и с удовольствием. Родители сокрушались — зачем он поступил в технический вуз, мол, надо было идти по дипломатической линии или стать журналистом-международником! В ответ Павел только усмехался:

— Для того чтобы поступить в такие профильные заведения, как МГИМО или журфак, нужно, несмотря на равные права граждан, быть намного правее, и не только правых, но и левых.

После окончания института Звягинцева распределили в армию, присвоив звание лейтенанта, и Стрельцов из чувства солидарности напросился взять его туда же. Но попали они в разные войска — Боря в десант, а Паша в артиллерию. Жизнь их развела, но дружба не ослабла, и они по возможности встречались, не теряя друг друга из вида.

Отслужив положенный срок, Стрельцов мобилизовался и устроился на работу в НИИ старшим инженером по нефти и газу, а Звягинцев остался служить в армии кадровым офицером в одной из подмосковных частей.

Однажды вечером ему позвонил Павел и сказал, что им нужно обязательно встретиться в ближайшее время. Причину он не объяснил. Голос у него был взволнованный, и Боря понял, что у друга случилось нечто неординарное. Он выпросил сутки у начальства, якобы по семейным обстоятельствам, друзья встретились на выходе из метро и направились в кафе-мороженое — традиционное место их встреч.

Неожиданно к ним за столик подсел худощавый юноша со светло-желтыми волосами до плеч, страдальческой гримасой на лице и грустью в глазах.

— Тебе чего, убогий? — буркнул Борис, готовясь выставить нежданного соседа.

— Джинсы, диски интересуют? Зелень не продадите? — спросил парень, вцепившись взглядом в сидящих рядом.

— Джинсы не нужны, за валюту сажают, а вот диски... «Роллинги» есть в наличии, Мик Джаггер? — спросил Павел. Он интересовался западной рок-музыкой.

— Есть два последних альбома, хотите купить? — поинтересовался волосатик. Он явно воспрянул духом.